

УДК 81

Частные видовые значения причастий в осетинском языке (в сопоставлении с русским языком)

Дзерасса Витальевна Габисова

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Российская Федерация
362025 г. Владикавказ, ул. Горького, 43

Соискатель

E-mail: dove74i@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются частные видовые значения причастий в современном осетинском языке, проводится сопоставление с русским языком. В результате проведенного исследования определен диапазон частных видовых значений причастий, выявлены особенности проявления в них категорий вида, времени и залога в сопоставлении с системой причастий в русском языке.

Ключевые слова: осетинский язык; русский язык; причастие; частные видовые значения; совершенный вид; несовершенный вид.

Введение. Причастие – это специфическая форма глагола, представляющая процесс, но не чистый, а осложненный семантикой адъективности. В русском языке причастия характеризуются грамматическими категориями вида, залога и непредикативного времени. Кроме того, им свойственны грамматические категории рода, числа и падежа, общие с прилагательными. Причастие в осетинском языке характеризуется теми же глагольными категориями: видом, временем, залогом, однако не имеет адъективных грамматических категорий: рода (в осетинском языке вообще нет категории рода), числа и падежа.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили произведения современных осетинских и русских писателей. В работе использованы методы наблюдения, описания, сопоставительного анализа.

Обсуждение. Наиболее употребительными разрядами причастий в осетинском языке являются причастия на *-д/-т* и причастия на *-æг*. Причастия на *-д/-т* соответствуют русским страдательным причастиям совершенного вида. Образуются они от корня глагола при помощи суффиксов *-т-*, *-д-*, совпадают с основой прошедшего времени и восходят к древнеиранскому причастию на «*ta*» [1].

Все причастия на *-д/-т* имеют значение совершенного вида, при этом наличие префикса не имеет значения: *конд хуым* – *вспаханное* поле, *æфсæст халон* – *накормленный* вороны т.д. Это свидетельствует о том, что значения совершенного вида и прошедшего времени в этих причастиях выражаются суффиксами *-д-*, *-т-*. Префиксальные причастия на *-д/т* встречаются, но довольно редко. Как и страдательные причастия прошедшего времени в русском языке, причастия на *-д/т* очень результативны и выражают конкретно-фактическое частное видовое значение¹, то есть обозначают конкретные единичные действия, достигшие своего предела (далее примеры с указанием стр. приводятся по изданию [3]): (1) *Сæ бауамынд богæлттæ суанг изæрмæ фæхæцдысты, фæлæ сæ ничи никæй абырста* (с. 66) – *Указанные ими борцы боролись до вечера, но никто никого не поборо.*

В некоторых контекстах неявно, имплицитно подразумевается, что причастное действие имеет не единичный характер, например: (2) *Йæ конд къæбæр та ахæм хæрзад уыд, сæмæ уый фых кæрдзыны раз уæлибыхмæ кæсæм дæр ничи фæкодтаид* (с. 226) – *Испеченный ею хлеб был настолько вкусен, что рядом с ее обычным хлебом никто не посмотрел бы даже на пироги с сыром (испеченный неоднократно – Г.Д.).* Это свидетельствует о том, что суммарное значение для них возможно. Однако постоянный или повторяющийся характер действия они не способны выражать в силу своей результативности, как и русские страдательные причастия совершенного вида.

¹ При описании частных видовых значений мы используем терминологию А.В. Бондарко [2].

Вторым по употребительности разрядом являются причастия на *-æг*, которые обычно характеризуются значениями настоящего времени, несовершенного вида. Преимущественное частное видовое значение, выражаемое этими причастиями, – *конкретно-процессное*, т.е. обозначаются конкретные, единичные действия в процессе протекания, например: (3) Сæ урс сæртыл схæцыдысты æмæ кафæг адæммæ джихæй кастысты (с. 57) – Подняли свои седые головы и удивленно смотрели на *танцующих* людей.

В семантике этих причастий часто содержится элемент значительной длительности. Эта длительность может иметь довольно протяженный характер, что позволяет оценивать действия как *постоянно-непрерывные*, такие употребления довольно часты: (4) Афтамæй хъæнтæдзæбæхгæнæг рæстæджы хорзæх уæд (с. 346) – Пусть будет благословенно *лечащее* раны время.

Семантика постоянного действия может осложняться оттенком *потенциальности*: (5) Афтамæй хъæнтæдзæбæхгæнæг рæстæджы хорзæх уæд (с. 346) – Пусть будет *благословенным* время, *лечащее* (которое может лечить – Г.Д.) раны.

Характерно для этих причастий и *неограниченно-кратное* значение, когда обозначаются действия обычные, повторяющиеся²: (6) Ныфс æмæ хъаруйы суадонь донæй дзаг цæстыты сæрмæ æлвæст æхсаргæрдтау айтынг сты зæрдæйы цин, кæнæ та бахъуаджымастæвдисæг æрфгуйтæ (с. 244) – Над глазами, наполненными надеждой и силой родника, протянуты брови, подобно саблям, *показывающим* то радость сердца, то горечь.

Значение совершенного вида и прошедшего времени возникает у этих причастий с прибавлением префикса, однако такие причастия встречаются гораздо реже, чем беспрефиксные формы несовершенного вида. При этом причастия совершенного вида выражают *конкретно-фактическое* частное видовое значение: (7) О ме сфæлдиссæг Хуыцау, адæмы амондæн æй фæкæн! (с. 54) – О *создавший* меня Господь, пусть будет на счастье людям!

Яркой особенностью осетинского языка является наличие в его системе причастий будущего времени. Основное назначение этих причастий – выражение модальных значений целесообразности, необходимости, намерения. Причастия будущего времени могут иметь значение совершенного или несовершенного вида в зависимости от наличия/отсутствия префикса. Их видовое значение можно назвать *потенциальным*, но оно отличается от потенциального значения совершенного вида и от потенциально-качественного значения несовершенного вида, выделяемых А.В. Бондарко. Например: (8) – Моенæ чысыл раздæр хъæдсæй сæрхызт арыхъæг богъаты зуызон дыууæ *бынбауинаг* лæдджы (с. 96) – Вот немного раньше вышли из леса двое, похожих на арыкских быков, *подлежащих смерти* мужчин. (9) Дæхи мауал х сæр, цы *рцæуинаг* уыд, уый сæрцыд (с. 212) – Не кори себя, что *должно было случиться*, то случилось.

Как и причастия будущего времени, причастия на *-гæ* тоже встречаются довольно редко. Гораздо чаще эти слова выполняют функции деепричастий, поэтому их часто называют смежной причастно-деепричастной частью речи [5]. В качестве причастий они имеют значение настоящего времени и несовершенного вида (если употребляются без префиксов) или прошедшего времени и совершенного вида (если к ним прибавляются префиксы). Частные видовые значения, выражаемые этими причастиями, – *конкретно-фактическое* и *конкретно-процессное*: (10) – О, мæ бон бакалд, мæ цæугæ Хох, мæ лæугæ мæсыг Аслæнбег, дæ бæрзонд сæр уый цæй ныллæг сæруагътай... (с. 93) – О, горе мне, моя *идущая* гора, моя *стоящая* башня (опора – Г.Д.), Асланбек, почему ты опустил так низко голову? (11) – Моенæн та у ме ссаргæ лæппу (с. 91) – Для меня он *найденный* мной мальчик.

Реже встречается *постоянно-непрерывное* значение, когда причастное действие имеет характер не единичного действия, а постоянного действия-признака, например: (12) Дидиногау афтæ зæрдæмæдзæугæ уыд, сæмæ дзы Битарты сæфсымæртæ хъазынсæй не'фсæстысты (с. 117) – Он, подобно цветку, настолько всем *нравился* (букв.: *был нравящимся* – Г.Д.), что братья Битаровы не могли наиграться с ним.

² А.А. Левитская установила, что в перечне частных видовых значений личных форм глагола в осетинском языке отсутствует неограниченно-кратное значение, одно из основных значений несовершенного вида в русском языке, так как значение кратности регулярно выражается конструкцией «глагол + частица *-иу*» и имеет статус грамматической категории [4]. В том, что причастия несовершенного вида могут выражать неограниченно-кратное значение, проявляется их своеобразие по сравнению с личными формами глагола.

Результаты и выводы. Причастия в осетинском языке имеют грамматические особенности, отличающие их от русских причастий. К наиболее ярким из таких особенностей можно отнести следующие: наличие в системе осетинского языка причастий будущего времени, залоговая и временная немаркированность причастий (в то время как у причастий в русском языке значения залога и времени выражены суффиксами), а также отсутствие у них адъективных грамматических категорий (падежа и числа; рода в осетинском языке нет вообще). Своеобразно проявляется в осетинских причастиях категория времени по сравнению с русскими причастиями, у которых время выражено суффиксами, поэтому в несовершенном виде возможны причастия и настоящего, и прошедшего времени (например, *играющий* – *игравший*). В осетинском языке присоединение префикса переводит причастие не только в совершенный вид, но и в прошедшее время, поэтому причастия несовершенного вида всегда имеют значение настоящего времени, а причастия совершенного вида – прошедшего времени (за исключением причастий на *-д/-т*). В этом осетинские причастия сходны с русскими деепричастиями, у которых категории вида и времени совпадают. Залоговое значение причастий в осетинском языке определяется не суффиксами, а переходностью-непереходностью глагола.

Причастия совершенного вида встречаются в конкретно-фактическом и суммарном частных видовых значениях. Причастия несовершенного вида в имеющемся материале представлены в конкретно-процессном, неограниченно-кратном, постоянно-непрерывном и потенциально-качественном значениях (ограниченно-кратное значение для них допустимо, хотя и не встретилось в имеющемся материале). Таким образом, у причастий совершенного вида не отмечены наглядно-примерное и потенциальное значения, характерные для личных форм. Заметим, что и у русских причастий совершенного вида эти значения отсутствуют [6], а у личных форм они выражаются преимущественно формами настоящего-будущего совершенного. Личные формы совершенного вида прошедшего времени со значением повторяющегося и обычного действия возможны лишь в исключительных случаях. У причастий несовершенного вида не зафиксировано обобщенно-фактическое значение, когда актуален лишь факт наличия/отсутствия действия³. Таким образом, частные видовые значения причастий в осетинском языке имеют некоторое своеобразие по сравнению с личными формами глагола, а также по сравнению с причастиями в русском языке. В заключение отметим, что с позиций Сочинской школы рассмотренная проблематика соотносится с языковой субкомпетенцией в составе интегральной лингвориторической компетенции [8] в русле концепции непрерывного лингвориторического образования [9], актуального в том числе для многонациональных регионов [10], в билингвальном аспекте.

Примечания:

1. Ахвледиани Г.С. Грамматика осетинского языка. Т. 1-2. Орджоникидзе, 1963–1969. С. 271.
2. Азæмæты таурæгътаæ. Дзæуджыхъæу, 2004. 358 с.
3. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола. М., 1971. С. 22–36.
4. Левитская А.А. О функциональном и семантическом соответствии осетинских аспектуальных грамматических категорий виду в современном русском языке // Материалы международной научно-практической конференции «Русский язык и языки народов России: функциональное и структурное взаимодействие». Владикавказ, 2001. С. 88.
5. Абаев В.И. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе, 1959. С. 54.
6. Годизова З.И. Видовременные значения причастий совершенного вида. Дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1992. С. 76–77.
7. Улицкая Л. Зеленый шатер. М., 2011. 591 с. С. 225.
8. Ворожбитова А.А. Интегральная лингвориторическая компетенция языковой личности и механизмы ее реализации // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2003. №3. С. 134–142.

³У причастий в русском языке это значение возможно, например: Пятая исполнительница, тоже из числа музыкальных гениев, – единственная без сопровождения, замуж никогда *не выходившая*, – поставила рваную сумку с торчащим из нее зеленым кефирным горлышком на стол, рядом с сияющим прибором [7].

9. Ворожбитова А.А. Лингвориторическое образование: базовые определения и установки // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2003. № 2. С. 113–117.

10. Ворожбитова А.А. Лингвориторическая модель «Филолог как профессиональная языковая личность» и поликультурный аспект подготовки специалиста в области русской филологии // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2012. №17. С. 205–210.

UDC 81

Individual Aspectual Meanings of Participles in the Ossetian Language (as compared to Russian)

Dzerassa V. Gabisova

North Ossetian State University, Russian Federation
362025 Vladikavkaz, Gorky St., 43
PhD student
E-mail: dove74i@mail.ru.

Abstract. The article examines the individual aspectual meanings of participles in the modern Ossetian language and compares them with the Russian language. The research defined the range of individual aspectual meanings of participles and identified the specifics of how the categories of type, time and genus manifest in them as compared with the participle system in the Russian language.

Keywords: Ossetian language, Russian language, participle, individual aspectual meanings, perfective aspect, imperfective aspect.